

0613
87

7789

1883
12-1-2

ТРУДЫ

ОРЕНБУРГСКОЙ
УЧЕНОЙ АРХИВНОЙ КОММИССИИ.

Подъ редакціей К. С. Шукшинцева.

ВЫПУСКЪ VI.

1900.
ОРЕНБУРГЪ.

Типо-литографія Ив. Ив. Евфимьевскаго-Мировицкаго.

об 613
778
об 613
902.9
+об 910.9

7789

Т Р У Д Ы

Оренбургской Ученой Архивной Коммиссии.

ВЫПУСКЪ VI

под редакціей К. С. Шукшинцева.

1897 г.
546
I

1900.

О Р Е Н Б У Р Г Ъ.

Типо-литографія Ив. Ив. Евфимовскаго-Мировицкаго.

Оренбургская областная
библиотека им. Г. К. Кружкова

ПУШКИНСКІЕ ДНИ ВЪ ОРЕНБУРГѢ.

- I. Два протокола.
- II. *М. Л. Юдинъ*. Воспоминанія современниковъ о пребываніи А. С. Пушкина въ ОренбургѢ.
- III. *Ею-же*. Домъ, въ которомъ останавливался Пушкинъ въ ОренбургѢ.
- IV. *С. Н. Севастьяновъ*. Нѣсколько указаній о пребываніи А. С. Пушкина на Бердахъ.
- V. *Н. Г. Ивановъ*. Пушкинъ на Бердахъ.
- VI. Изъ газеты «Свѣтъ» № 144—1899 г.

Засѣданіе Пушкинской Коммиссіи 7 апрѣля 1899 г.

На засѣданіе, состоявшееся въ зданіи Архивной Коммиссіи, прибыли: Н. И. Бутовскій, С. А. Быбинъ, Н. Г. Ивановъ, С. Н. Севастьяновъ, И. С. Шукшинцевъ и, кромѣ того, присутствовалъ А. М. Ивановъ.

Предсѣдателемъ на это собраніе былъ избранъ И. С. Шукшинцевъ.

Обсужденію подлежали слѣдующіе вопросы:

- 1) Какъ должно выразиться чествованіе памяти поэта?
- 2) Гдѣ должно происходить чествованіе?
- 3) Какова должна быть программа чествованія?
- 4) Какова должна быть редакція надписи на доскѣ, имѣющей быть прибитой на домъ Ладыгина?

По обсужденіи этихъ вопросовъ постановлено:

1) Согласиться съ постановленіемъ очередного собранія Архивной Коммиссіи на 8 февраля сего года (пунктъ 8 протокола), но ввести, кромѣ чтенія намѣченныхъ рефератовъ, чтеніе произведеній какъ Пушкина, такъ и посвященныхъ его памяти, а также исполненіе музыкально-вокальныхъ произведеній.

2) Просить совѣтъ старшинъ Общественнаго Собранія уступить залу Собранія на вечеръ 26 мая.

3) Просить непремѣннаго попечителя Коммиссіи опубликовать во всеобщее свѣдѣніе о назначеніи 26 мая заупокойной литургіи въ Казанскомъ кафедральномъ соборѣ, а также просить г. предсѣдателя Коммиссіи обратиться къ преосвященному Владиміру съ просьбою отслужить литургію.

4) Признать прибитіе одной доски на домъ Ладыгина съ именами Императора Александра II и Пушкина неудобнымъ, а потому заказать двѣ доски, изъ которыхъ на одной должно быть выбито: «Здѣсь имѣлъ пребываніе, въ бытность Наслѣдникомъ престола, Императоръ Александръ II іюня 1837 года», а на другой — «Здѣсь жилъ поэтъ А. С. Пушкинъ въ сентябрѣ 1833 года».

Далѣе постановлено:

1) Представить на усмотрѣніе очередного собранія Архивной Коммиссіи нижеслѣдующую программу торжественнаго засѣданія 26 мая:

Первое отдѣленіе:

Народный гимнъ.

Пѣніе кантаты, посвященной Пушкину

Чтеніе реферата Ф. М. Лисицынымъ

Чтеніе свѣдѣній, собранныхъ на мѣстѣ объ А. С. Пушкинѣ въ Оренбургской губ.

Антрактъ 10 мин., во время котораго оркестръ исполнить пьесу, посвященную памяти Пушкина.

Второе отдѣленіе:

Пѣніе.

Рѣчь Г. А. Соколова.

Чтеніе произведеній Пушкина.

Стихотвореніе Н. Г. Иванова «Памяти Пушкина».

Пѣніе «Слава».

2) Копію съ настоящаго протокола, въ случаѣ утвержденія его собраніемъ Коммиссіи, послать въ городскую думу съ просьбою доложить его въ ближайшемъ засѣданіи думы и о имѣющемъ быть постановленіи увѣдомить Коммиссію, а также просить членовъ городского управленія присутствовать какъ на литургии, такъ и на торжественномъ засѣданіи 28 мая въ 8 часовъ вечера.

Торжественное засѣданіе 27 мая въ залѣ Общественнаго Собранія въ память 100-лѣтняго юбилея со дня рожденія А. С. Пушкина.

Присутствовали: предсѣдатель П. П. Бирѣвъ, члены: Соколовъ А. В., Соколовъ Г. А., Ф. М. Лисицынъ, Поповъ, Ивановъ, Севастьяновъ, Евфимовскій-Мировицкій, Жуковскій, Быбинъ и 50 гостей. Засѣданіе открыто въ 1^{3/4} час. дня.

Открывая засѣданіе, предсѣдатель объявилъ, что оно будетъ посвящено исключительно чтенію памяти великаго русскаго поэта Пушкина и предложилъ Н. Г. Иванову прочесть его стихотвореніе «А. С. Пушкинъ»; по прочтеніи членами Быбинымъ и Севастьяновымъ, при звукахъ туша былъ на бюстъ поэта возложенъ вѣнокъ съ надписью на лентѣ «Оренбургская Ученая Архивная Коммиссія А. С. Пушкину. 27 мая 1899 г.».

Затѣмъ Ф. М. Лисицынъ прочелъ рѣчь «Обзоръ ху-

дожественной дѣятельности А. С. Пушкина», покрытую рукоплесканіями гостей.

Послѣ рѣчи Ф. М. Лисицына председатель объявилъ перерывъ на 10 мин. Во время перерыва оркестръ исполнилъ пьесу изъ «Пиковой дамы».

Затѣмъ по открытіи засѣданія Г. А. Соколовъ прочелъ рѣчь «Капитанская дочка какъ завершеніе реального направленія въ поэтическомъ творествѣ А. С. Пушкина». Рѣчь Г. А. Соколова также вызвала взрывъ рукоплесканій гостей.

Затѣмъ Н. Г. Ивановъ прочелъ рѣчь «Пушкинъ въ Бердахъ»; послѣ рѣчи Н. Г. Иванова оркестръ исполнилъ «Боже, Царя храни»!

Воспоминанія современниковъ о пребываніи А. С. Пушкина въ Оренбургѣ.

1. Воспоминаніе бывшаго воспитанника Оренбургскаго Неплюевскаго кадетскаго корпуса Н. П. Иванова *).

«Я не смѣю умолчать о случайной моей встрѣчѣ тогда (во время пребыванія въ корпусѣ) съ человѣкомъ, интересующемъ и теперь всякаго образованнаго человѣка.

Въ одинъ изъ субботнихъ **) вечеровъ (конечно, еще до 1839 г.), когда небольшая семья моего почтеннаго

*) «Хивинская экспедиція 1839—40 гг.». Очерки и воспоминанія очевидца Н. П. Иванова. С.-Пб. 1873 г., стр. 20—23.

М. Ю.

**) А. С. Пушкинъ былъ въ Оренбургѣ 18—20 сентября 1833 г., но ни одинъ изъ этихъ дней въ субботу не приходится. См. «Письма».

М. Ю.

директора Артихова *) усаживалась за чайный столъ, на дворъ слышался скрипъ подрѣзовъ дорожнаго экипажа (?) **).

Хозяинъ, увидавъ его изъ окна своего кабинета, замѣтилъ:

— Ай-да, Васька-котъ! — сегодня умывался кстати: баня готова; чай на столъ; — отворяй, Костя, ворота, ѣдемъ въ гости къ тебѣ, весело проговорилъ хозяинъ.

— Однако, кто бы это къ намъ пожаловалъ?

— Генералъ Пушкинъ изволилъ пріѣхать, прокричалъ вошедшій со двора мальчикъ, одѣтый въ черкеску изъ верблюжьяго сукна.

Дверь отворилась и на порогъ показался довольно полный господинъ въ дорожной шубѣ и укутанный шарфомъ.

Тотчасъ подбѣжали его раздѣвать.

Всѣ видимо обрадовались, всякій видѣлъ въ немъ какъ бы своего душевнаго родного друга.

— Какой-то вихрь, а не мальчишка прокричалъ мнѣ: «дома баринъ».

— Дома, дома, подхватилъ хозяинъ и просить дорогого гостя въ кабинетъ; здравствуй, здравствуй!

— Здравствуй, трегубый! (у хозяина съ дѣтства верхняя губа дѣлилась на двое).

— Только дайте ему, проговорилъ «генералъ», уба-

*) Инженеръ - полковникъ Константинъ Демьяновичъ Артиховъ, директоръ Оренбургскаго Неплюевскаго кадетскаго корпуса съ 1832 по 1833 г. М. Ю.

**) Въ единственномъ письмѣ, посланномъ изъ Оренбурга отъ 19 сентября женѣ, А. С. Пушкинъ пишетъ: «Я здѣсь со вчерашняго дня. На силу доѣхалъ — дорога прескучная, погода холодная, завтра ѣду къ Яицкимъ казакамъ, пробуду у нихъ дня три и отправлюсь въ деревню черезъ Саратовъ и Пензу»... См. «Письма». М. Ю.

зывая на своего человѣка, прежде распеленать своего младенца. А то мои бакенбарды останутся на шарфѣ.

При входѣ въ зало опять посыпались привѣты. Гость просилъ умыться (зимой-то?); но хозяинъ тотчасъ же предложилъ Александру Сергѣевичу въ баню, а потомъ чай.

— Согласенъ, если только недалеко баня; мнѣ надоѣла ѣзда, отвѣчалъ, потирая руки, гость.

— Такъ, значить, идемъ; двадцать шаговъ по корридору—и мы будемъ въ теплушкѣ. Распорядись-ка, сказалъ мнѣ Константинъ Демьяновичъ, чтобы намъ найти намъ людей и свѣчи.

Захвативъ кучера и мальчика, которые внесли изъ саней вещи, я велѣлъ зажечь лампу, а самъ поторопился сбросить съ себя курточку и сапоги, чтобы не быть отосланнымъ въ комнату, такъ какъ я былъ уже въ казенной банѣ.

За хозяиномъ вошелъ гость.

Кучеръ и мальчикъ проворно принялись за раздѣванье ихъ.

— Да, какъ, братъ Константинъ Демьяновичъ, у тебя славно здѣсь; даже андеемъ (ambrée) пахнетъ. замѣтилъ Александръ Сергѣевичъ съ улыбкою, почесываясь и поглядывая разсѣянно по сторонамъ; очень порядочно, здѣсь скорѣе гостиная, нежели баня.

Хозяинъ, какъ человѣкъ очень полный, кряхтѣлъ и видимо радовался первому впечатлѣнію гостя.

— Очень радъ, старый товарищъ, что могу служить, да спасибо, что ты не сбился съ дороги и не мимо меня проѣхалъ. А не разъ, я думаю, плуталъ по этимъ дорогамъ. Въ нашихъ мѣстахъ теперь дорога вѣдь страшная. А?

— Да я бросилъ возокъ и купилъ сани *)
А дорога ваша — садъ для глазъ:
Повсюду лѣсъ, канавы,
Работы было много; много славы,
Да жаль проѣзду нѣтъ подчасъ.
Отъ деревьевъ, на часахъ стоящихъ,
Проѣзжимъ мало барыша;
Дорога, скажутъ, хороша,
Но я скажу — для проходящихъ.

Отъ этой правды, такъ вѣрно и скоро выраженной имъ въ стихахъ, всѣ какъ бы остолебѣли. Хозяинъ разсмѣялся, подалъ мнѣ карандашъ и велѣлъ записать на стѣнѣ. Александръ Сергѣевичъ поправилъ мои знаки и на другой день стихи были вѣланы въ раму подъ стекло.

Пока Александръ Сергѣевичъ декламировалъ, онъ стоялъ передъ трюмо, правою рукою расправляя кудрявые волосы, а лѣвою прикрываясь, такъ какъ былъ уже совершенно раздѣтъ. На это Артюховъ замѣтилъ, смѣясь:

— А видѣлъ ли ты, Александръ Сергѣевичъ, свое сейчасъ сходство съ Венерою Медицейской?

*) Въ письмѣ къ женѣ отъ 2 сентября изъ Болдина Пушкинъ писалъ между прочимъ: «При выѣздѣ моемъ (23 сентября изъ Уральска) вечеромъ пошелъ дождь, первый по моемъ выѣздѣ... Нынѣшній годъ была всеобщая засуха и что Богъ угодилъ на одного меня, уготовя мнѣ вездѣ прекрасную дорогу. На возвратный же путь послалъ Онъ мнѣ этотъ дождь и черезъ полчаса сдѣлалъ дорогу не проходимою. Того мало: выпалъ снѣгъ и я обновилъ зимній путь, проѣхавъ верстъ 50 на санихъ». См. «Письма» стр. 327. Все это не согласуется съ воспоминаніями г-на Иванова: Пушкинъ не проѣзжалъ и не могъ проѣхать въ Оренбургъ на санихъ: очевидно память г-ну Иванову въ отношеніи состоянія погоды нѣсколько измѣняетъ. М. Ю.

Послѣдній взглянулъ въ зеркало, какъ бы для проверки сходства, и отвѣчалъ:

— Да, правда твоя. Только ты долженъ вообразить ея степенство, когда она была во второй половинѣ своего интереснаго положенія.

Мы разсмѣялись и вошли въ мыльную.

За чаемъ, между разговоромъ по предмету сбора фактовъ для исторіи пугачевского бунта, зачѣмъ онъ пріѣзжалъ въ Оренбургъ, Александръ Сергѣевичъ сообщилъ, что въ Петербургѣ всѣ увѣрены въ снаряженіи ученой экспедиціи «на Аральское море *), при чемъ прибавилъ, что для увеличенія кибиточнаго сбора можно было бы обязать киргизовъ, чтобы каждый, женившись, садилъ въ степи по одному дереву. Многоженство они любятъ, и чрезъ это степи обросли бы лѣсомъ».

Извлекъ и сообщилъ *М. Л. Юдинъ*.

*2. Воспоминаніе купца Н. А. Кайдалова **).*

«Торжество открытія памятника ***) незабвенному нашему поэту Александру Сергѣевичу Пушкину вызвало у меня воспоминаніе о его посѣщеніи Оренбурга.

*) Память г-ну Иванову измѣняетъ и тутъ. Пушкинъ не могъ гонорить въ 1833 году объ ученой экспедиціи къ Аральскому морю, проектированной для замаскированія военной похвѣ въ 1836—1837 гг., а также и о кибиточномъ сборѣ, введенномъ лишь въ 1837 году; какая, наконецъ, связь между кибиточнымъ сборомъ и посадкой деревьевъ въ степи; какъ послѣдняя могла увеличить этого сбора? *М. Ю.*

**) Помѣщено первоначально въ 1880 г. въ «Современныхъ Извѣстіяхъ» и затѣмъ перепечатано въ «Оренб. Листѣ» № 28 1800 г. *М. Ю.*

***) Въ 1880 году въ Москвѣ.

Я, бывши тогда 16-ти лѣтнимъ юношей, удостоился видѣть знаменитаго поэта.

Это произошло слѣдующимъ образомъ:

Въ 1833 году я находился по дѣламъ торговымъ въ Оренбургѣ у дяди своего и жилъ на квартирѣ у вдовы Гребеньщиковой, сынъ которой, сотникъ Оренбургскаго казачьяго войска Иванъ Васильевичъ Гребеньщиковъ, былъ начальникомъ станицы или села Бердо, отстоящаго отъ Оренбурга въ 7-ми верстахъ. Въ этомъ селѣ во время оно жилъ Пугачевъ, когда осаждалъ Оренбургъ.

Осенью 1833 года пріѣхалъ въ Оренбургъ Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ для собиранія свѣдѣній о пугачевскомъ бунтѣ и пожелалъ посѣтить Бердо. По этому случаю Иванъ Васильевичъ Гребеньщиковъ пригласилъ меня посмотреть на Пушкина. Я съ радостью принялъ предложеніе и мы отправились съ вечера, чтобы къ утру собрать стариковъ и старухъ, помнящихъ Пугачева лично или по преданію отъ отцовъ и дѣдовъ. Утромъ (какого числа и мѣсяца, не помню) пріѣзжаетъ Пушкинъ, самъ-другъ, кажется, если не ошибаюсь, съ В. И. Далемъ. Я съ какимъ то восторгомъ и трепетомъ встрѣтилъ глазами входящаго въ комнату знаменитаго генія. Онъ средняго роста, смуглый, лицо кругловатое съ небольшими бакенбардами, волосы на головѣ черные, курчавые, не долгіе, глаза живые, губы довольно толстыя. Одѣтъ былъ въ сюртукъ, плотно застегнутый на всѣ пуговицы; сверху шинель суконная съ бархатнымъ воротникомъ и обшлагами, на головѣ измятая поярковая шляпа. На рукахъ: лѣвой на большомъ, а правой на указательномъ пальцахъ по перстню. Ногти на пальцахъ длинныя лопатками. Въ фигурѣ его и въ манерахъ было что-то чрезвычайно оригинальное.

По входѣ въ комнату Пушкинъ сѣлъ къ столу, вынулъ записную книжку и карандашъ и началъ разспрашивать стариковъ и старухъ и ихъ рассказы записывалъ въ книжку. Одна старушка, современница Пугачева *), много ему рассказывала и спѣла или проговорила пѣсню, сложенную про Пугачева, которую Пушкинъ и просилъ повторить.

Наконецъ разспросы кончились, онъ всталъ, поблагодарилъ Гребеньщикова и стариковъ, которымъ роздалъ пѣсколько серебряныхъ монетъ и отправился въ Оренбургъ.

И такъ пристально смотрѣлъ на Александра Сергѣевича, что не обращалъ вниманія на разговоры постороннихъ, а потому и не могу болѣе сообщить теперь никакихъ подробностей; за то, вотъ уже болѣе 50 тилѣтъ прошло, а образъ Александра Сергѣевича Пушкина какъ теперь передо мной.

Кстати замѣчу, что онъ суевѣрнымъ старикамъ, а особенно старухамъ не понравился и произвелъ на нихъ непріятное впечатлѣніе тѣмъ, что, вошедши въ комнату, не снялъ шляпы и не перекрестился на иконы и имѣлъ большіе ногти; за то его прозвали «антихристомъ»; даже нѣкоторые не хотѣли принять отъ него деньги (которыя были свѣтленькія и новенькія), называя ихъ антихристовыми и думая, что онѣ фальшивыя. Объ этомъ обстоятельствѣ сообщилъ мнѣ Иванъ Васильевичъ Гребеньщиковъ.

*) Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ женѣ изъ Болдина Пушкинъ между прочимъ говоритъ: «Въ Бердѣ я нашелъ 75 лѣтнюю казачку, которая помнитъ время Пугачева, какъ мы съ тобой помнимъ 1830 годъ. Я отъ нея не отставалъ». См. «Письма», стр. 327. М. Ю.

Домъ, въ которомъ останавливался Пушкинъ въ Оренбургѣ.

Изъ воспоминаній бывшего кадета Неплюевского корпуса Н. П. Иванова *), автора сочиненія «Хивинская экспедиція 1839—40 г.г.», видно, что Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, по приѣздѣ въ Оренбургъ, заѣхалъ съ дороги къ директору кадетскаго корпуса инженеръ-полковнику Б. Д. Артюхову; между тѣмъ по официальнымъ даннымъ авторъ «Исторіи Пугачевского бунта» во время своего пребыванія въ Оренбургѣ находился въ квартирѣ Оренбургскаго военнаго губернатора генералъ-адъютанта В. А. Перовскаго **).

Какже согласовать эти два, прямо противорѣчивыя показанія?

Оренбургскій Военный Губернаторъ В. А. Перовскій въ своей резолюціи, согласно которой дословно былъ написанъ отвѣтъ Нижегородскому военному губернатору Бутурлину по поводу учрежденія за Пушкинымъ секретнаго надзора, прямо говоритъ, что поэтъ останавливался въ его домѣ. Это указаніе, конечно, вполне достоверно и не можетъ быть опровергнуто.

Но заслуживаетъ вѣроятія и показаніе г. Н. П. Иванова въ его воспоминаніяхъ, заключающихся въ сочиненіи о «Хивинской экспедиціи», гдѣ онъ съ увѣренностью очевидца и, до нѣкоторой степени, дѣйствующаго лица рассказываетъ о своей случайной встрѣчѣ съ величайшимъ русскимъ поэтомъ въ квартирѣ директора Оренбургскаго Неплюевского кадетскаго корпуса Артю-

*) См. выше.

**) См. выше извлеченіе изъ дѣла «Объ учрежденіи тайнаго полицейскаго надзора за прибывшимъ временно въ Оренбургъ поэтомъ чл. сов. Пушкинымъ».

хова, въ прїѣздъ Александра Сергѣевича въ Оренбургъ. Если сбивчивыя воспоминанія г. Иванова и грѣшатъ въ подробностяхъ относительно обстоятельствъ прїѣзда Пушкина въ Оренбургъ, если память измѣняетъ ему относительно времени посѣщенія поэтомъ Оренбурга (г. Ивановъ не указываетъ точно года прїѣзда), дня недѣли, («въ одинъ изъ субботнихъ вечеровъ»), времени года, состоянія погоды (зима, снѣгъ морозъ) и способа передвиженія (на саняхъ),—всѣ указанія въ этомъ отношеніи не согласуются съ дѣйствительностью, какъ указано выше въ примѣчаніяхъ къ этимъ воспоминаніямъ,—то тѣмъ не менѣе отрицать самый фактъ встрѣчи автора воспоминаній, кадета Иванова, съ Пушкинымъ въ квартирѣ директора корпуса нѣтъ никакого основанія. Это не простая обыденная встрѣча съ обыкновеннымъ зауряднымъ человѣкомъ, а встрѣча въ своемъ родѣ единственная съ человѣкомъ-геніемъ, съ величайшимъ поэтомъ Великой Россіи. Такія встрѣчи не забываются, забыть ихъ нельзя, память объ нихъ сохраняется во всю жизнь. Повстрѣчать же Пушкина кадета Ивановъ иначе ни гдѣ не могъ, какъ только въ квартирѣ своего директора. А если это такъ, то кажущееся противорѣчіе относительно мѣстопробыванія поэта въ Оренбургъ возможно объяснить слѣдующимъ образомъ. Александръ Сергѣевичъ, прибывъ въ Оренбургъ, заѣхалъ не прямо къ Перовскому, находя, можетъ быть, неудобнымъ беспокоить главнаго начальника края, а предпочелъ первоначально заѣхать къ старому своему знакомому, съ которымъ былъ даже на «ты», директору корпуса инженеръ-полковнику Артюхову*), а затѣмъ уже отсюда, оправившись съ дороги, Александръ Сергѣе-

*) Хотя отношенія Александра Сергѣевича къ полковнику Артюхову нигдѣ не выяснены.

вичъ, явился къ военному губернатору съ просьбой объ оказаніи содѣйствія въ собираніи матеріаловъ о Пугачевскомъ бунтѣ.

Василій Алексѣевичъ, будучи съ нимъ знакомъ по Петербургу, откуда прибылъ къ мѣсту службы лишь въ томъ же 1833 году*), конечно, встрѣтилъ поэта съ распростертыми объятіями, весьма радушно и какъ любезный гостепріимный хозяинъ-хлѣбосоль оставилъ почетнаго Петербургскаго гостя у себя, въ своей квартирѣ.

Такой именно оборотъ нисколько не противорѣчитъ воспоминаніямъ г. Иванова, который къ тому не указываетъ, все ли время Пушкинъ оставался у Артюхова или только въ тотъ день, какъ пріѣхалъ. Если же при этомъ Ивановъ не упоминаетъ о томъ, что поэтъ помѣстился потомъ у Перовскаго, то онъ, какъ воспитанникъ закрытаго заведенія могъ и не знать о томъ, что дѣлалось за стѣнами корпуса, или же просто при записываніи своихъ воспоминаній, увлекшись собственными личными впечатлѣніями, забылъ про это обстоятельство.

Василій Алексѣевичъ Перовскій, какъ видно изъ архивныхъ данныхъ, казенной квартирой въ то время не пользовался, а получалъ, согласно Высочайше утвержденному 28 марта 1831 г., журналу комитета министровъ, квартирныя деньги по 1500 р. въ годъ**). По показаніямъ

*) В. А. Перовскій назначенъ Оренбургскимъ военнымъ губернаторомъ и командиромъ отдѣльнаго Оренбургскаго корпуса 15 апрѣля 1833 г., а прибылъ въ Оренбургъ 8-го іюня того же года. См. формул. списокъ Перовскаго и Дѣло канцел. Оренб. воен. губер. 1830 года № 102. М. Ю.

**) Дѣло канцеляріи Оренб. Воен. Губерн. «Объ отпускѣ квартирныхъ денегъ г. Оренбургскому военному губернатору» нач. 3 дек. 1833 г. № 102. М. Ю.

же старожиловъ, квартировалъ Василій Алексѣевичъ въ домѣ полковника Тимашева, находившемся на Николаевской улицѣ въ 1-й части, въ 5 кварталѣ *), противъ алтаря церкви Вознесенія Христова, между сосѣдними домами Пенькова и Козина. Здѣсь-то слѣдовательно и останавливался А. С. Пушкинъ во время пребыванія своего въ Оренбургъ, будучи гостемъ военнаго губернатора.

Домъ этотъ, сохранившійся и доселѣ, двухъ-этажный съ мезониномъ; нижній этажъ его каменный, а верхній и мезонинъ—деревянные. Построенъ онъ былъ въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія (XVIII) и первоначально принадлежалъ статскому совѣтнику Ивану Лаврентьевичу Тимашеву, отъ котораго по наслѣдству перешелъ во владѣніе сына его коллежскаго совѣтника Николая Ивановича а отъ этого въ 1818 году сыну его впослѣдствіи генералъ-маіору, Егору Николаевичу Тимашеву; отъ послѣдняго же достался по наслѣдству двумъ его сыновьямъ: флигель-адъютанту полковнику Александру Егоровичу (бывшему впослѣдствіи министромъ внутреннихъ дѣлъ) и штабсъ-капитану гвардіи Николаю Егоровичу. Въ 1852 году къ дому былъ сдѣланъ внутри двора пристрой: низъ каменный, а верхній этажъ деревянный**).

Въ 1858 году домъ этотъ съ мѣстомъ и всѣми при-

*) Списокъ домовладѣльцевъ г. Оренбурга, составленный 15 мая 1836 г. и хранящійся въ архивѣ Оренбургской городской управы.

**) Показаніе штабсъ-капитана гвардіи Н. Е. Тимашева въ дѣлѣ штаба отдѣльнаго Оренбургскаго корпуса по инженерному отдѣленію: «По прошенію штабсъ-капитана Тимашева о выдачѣ плана на домъ здѣсь въ городѣ и на новую при немъ пристройку» 1849 г. № 332. Хранится въ архивѣ Оренбург. город. управы подъ № 5350—6645.

надлежащими къ нему строеніями за долги г.г. Тимашевыхъ проданъ съ публичныхъ торговъ купеческому сыну Ивану Скворцову *); а затѣмъ онъ съ частью двороваго мѣста, примыкающею къ дому Пенькова, перешелъ во владѣніе купчихи Ладыгиной; въ настоящее же время принадлежит Оренбургскому мѣщанину Ивану Васильевичу Ладыгину.

М. Л. Юдинъ.

А. С. Пушкинъ на Бердахъ **).

(А. С. Пушкину, по повелѣнію Императора Николая I, было поручено написать «Исторію Пугачевского бунта». На напечатаніе этого труда отпущено изъ государственнаго казначейства 20/т. руб. За добросовѣстное исполненіе царскаго повелѣнія, Пушкинъ пожалованъ званіемъ камеръ-юнкера, — милость величайшая, хотя бы и для знаменитаго поэта.

Осчастливленный полученіемъ лестнаго порученія и имѣя свободный доступъ во всѣ государственныя архивы, Пушкинъ насколько представлялась, возможность, исчерпалъ архивныя матеріалы и пожелалъ лично ознакомиться съ мѣстами дѣйствія составляемой имъ исторіи, для чего отправился въ мѣстности, нѣкогда охваченныя пожаромъ мятежа, посѣтилъ Казань, Симбирскъ, имѣніе поэта Н. М. Языкова; 14 числа выѣхалъ изъ

*) Переписка, приложенная къ тому же дѣлу.

**) Матеріалами для настоящей статьи служили: «Исторія Пугачевского бунта» — А. С. Пушкина, «Капитанская дочка» — его же, «Топографія оренбургская» — Рычкова, «Исторія оренбургская» — его же, воспоминанія В. И. Даля и Кайданова, «Энциклоп. словарь» — Эфрона и Брокгауза, «Русск. Старина» за 1800, 81 и 86 гг. и рассказы старожиловъ, помнящихъ поѣздки Пушкина по оренбургскому краю.

Симбирска къ Оренбургу, но возвратился съ 3-й станціи: заяцъ перебѣжалъ ему дорогу, и Пушкинъ, вѣрный предразсудку, не рѣшился продолжать своего пути. Только 18 сентября онъ прибылъ, наконецъ, въ Оренбургъ.

Представившись военному губернатору, генералъ-адъютанту В. А. Перовскому, незадолго до того назначенному на эту должность, и передавъ ему о цѣли своей поѣздки, Пушкинъ былъ обласканъ начальникомъ края, который любезно предложилъ ему остановиться у него на квартирѣ *), познакомилъ съ представителями мѣстнаго *beau-mond'a* и обѣщалъ всяческое содѣйствіе къ собранію историческихъ матеріаловъ.

Въ качествѣ чиновника особыхъ порученій при Перовскомъ былъ тогда извѣстный русскій писатель и врачъ В. И. Даль, получившій извѣстность, какъ литераторъ, изданіемъ своихъ «Былей и небылицъ», какъ врачъ — статьей въ защиту гемеопатіи и какъ натуралистъ — переводомъ «Естественной исторіи Оренбургскаго края» — Эверсмана. Съ Далемъ Пушкинъ и совершилъ объѣздъ Оренбургской линіи крѣпостей, при чемъ, знавшій мѣстный край, спутникъ его служилъ для него живымъ лексикономъ.

Разыскивая здѣсь и тамъ преданія и живыхъ свидѣтелей кровавой эпохи, которую народъ такъ выразительно прозвалъ пугачевщиною, Пушкинъ слушалъ

*) В. А. Перовскій жилъ въ домѣ, принадлежавшемъ Тимашиевымъ, что нынѣ домъ купца И. В. Ладыгина — напротивъ церкви св. Вознесенія; въ этомъ домѣ, по инициативѣ пишущаго эти строки и по постановленію Оренбургской Ученой Архивной Коммиссіи, на средства, отпущенныя городскимъ управленіемъ, будетъ вывѣшена въ скоромъ времени мраморная доска съ подобающею надписью о пребываніи въ этомъ домѣ великаго русскаго поэта А. С. Пушкина.

казацкія пѣсни, сложенныя про Емельку Пугача, бесѣдовалъ съ сыномъ казака Пьянова, упомянутого потомъ въ «Исторіи Пугачевского бунта», слушалъ полныя драматизма рассказы очевидцевъ про кровавыя дѣла пугачевскихъ шакъ, и въ головѣ его, кромѣ исторіи, создавался романъ, а благородное чувство патріотическаго негодованія разжигало и безъ того пылкую кровь историка-поэта. Повѣсть «Капитанская дочка», написанная, какъ извѣстно, одновременно съ «Исторіей Пугачевского бунта», является живой страницей, выхваченной изъ жизни бывшихъ линейныхъ крѣпостей, теперешнихъ казачьихъ станицъ, и, лучше всего, говоритъ о томъ, насколько великій художникъ, проникнувшись духомъ рисуемой имъ эпохи, умѣло справился съ нелегкой задачей. Пылкое воображеніе и неудержимое влеченіе къ непосредственному творчеству не давали возможности Александру Сергѣевичу уложить весь добытый имъ матеріалъ въ рамки исторіи, — и онъ облекъ часть его въ чисто художественную форму беллетристическаго произведенія.

Переходя къ описанію пребыванія Пушкина въ Бердскомъ поселкѣ, я нахожу вполне умѣстнымъ привести краткую справку о той печальной роли, какая выпала на долю этого поселка въ мрачной эпохѣ пугачевского бунта, чтобы нагляднѣе объяснить читателю то непреодолимое влеченіе, съ какимъ стремился Пушкинъ лично ознакомиться съ Бердами, неоднократно затѣмъ упоминаемыми въ его сочиненіяхъ.

Бердскій поселокъ, называвшійся раньше Бердской слободой, основанъ и укрѣпленъ въ 1743 г. сначала на р. Уралѣ, на мѣстѣ теперешняго Оренбурга, а затѣмъ, перенесенъ на р. Сакмару, въ разстояніи 7-ми верстъ отъ города. Слобода эта, какъ и большинство тогдашнихъ крѣпостей, была обнесена небольшимъ де-

ревяннымъ оплотомъ, со рвомъ и рогатками, а по угламъ имѣла батареи; дворовъ въ слободѣ было не больше 200; жалованныхъ казаковъ до 100, остальное населеніе составляли гарнизонъ и «нижняго званія люди». Въ слободѣ имѣлся свой атаманъ и особый старшина. Вблизи этой-то слободы, на лѣтней Сакмарской дорогѣ, а потомъ и въ самой слободѣ, Пугачевъ и имѣлъ военный лагерь, во время осады имъ Оренбурга. Отсюда разъѣзды разбойничьихъ шаекъ не переставали тревожить городъ, нападать на фуражировъ и держать гарнизонъ въ постоянномъ опасеніи. Изъ подъ Бердъ Пугачевъ съ войскомъ и орудіями неоднократно отлучался для взятія и разоренія линейныхъ крѣпостей. Возвращался онъ изъ такихъ отлучекъ, обыкновенно везя массу награбленнаго добра и ведя полоненныхъ казачьихъ красавицъ....

Въ выжженной, по приказанію Оренбургскаго губернатора Рейнсдорпа, казачьей слободѣ (нынѣ Оренбургская станица или Форштадтъ), въ уцѣлѣвшей отъ огня церкви св. Георгія, разбойники ободрали и осквернили св. иконы, разломали престолъ, раскладывали на полу костеръ и грѣлись около него, изрыгая полныя кощунства ругательства... На паперти была поставлена пушка, на колокольнѣ—другая. Страшная пальба какъ отсюда, такъ и съ крѣпостныхъ городскихъ стѣнъ не умолкала. Въмѣсто пуль и картечи, пугачевцы, въ концѣ концовъ, употребляли мѣдныя гривны. Всѣ усилія злодѣевъ, однако, были напрасны — городъ стойко выдерживалъ осаду. Между тѣмъ, наступали заморозки, и Пугачевъ со своею буйной ватагой перекочевалъ изъ лагеря въ самыя Берды, ставшія вертепомъ убійствъ, разгула и самаго необузданнаго распутства. Въ Бердскую слободу было приведено множество офицерскихъ женъ и дочерей, отданныхъ Пугачевымъ на

поруганіе разбойникамъ, которые, натѣшившись, предавали своихъ несчастныхъ жертвъ смерти, съ страшными надъ ними надругательствами.... Здѣсь не было людей, здѣсь были хищные звѣри, жаждавшіе крови и крови.... Казни происходили каждый день. Овраги около Бердъ были навалены трупами разстрѣлянныхъ, удушенныхъ, четвертованныхъ страдальцевъ. Трупы, разлагаясь, издавали зловоніе, а надъ ними съ крикомъ носились вороны и другія хищныя птицы.... Шайки разбойниковъ устремлялись во всѣ стороны, пьянствуя по селеніямъ, грабя казну и безчестя женщинъ. Кругомъ слышались выстрѣлы, дикое гиканье и крики, что пора-де покориться и идти служить царю-батюшкѣ Петру Ѳеодоровичу!

Пугачевъ съ сообщниками, пародируя, называлъ деревню Каргалу (Сентовскій посадъ) Петербургомъ, Сазмарскій городокъ — Кіевомъ, а излюбленную имъ резиденцію Берды — Москвой.

Городъ Оренбургъ, какъ извѣстно, стойко выдерживалъ шестимѣсячную осаду (съ 5 октября 1733 года по 23 марта 1744 года) и остался вѣренъ Императрицѣ, за что получилъ отъ великой монархини Высочайшій указъ, свидѣтельствующій о стойкости и вѣрности царицѣ и престолу гражданъ города Оренбурга.

Послѣ пугачевского нашествія, на Бердахъ остались тогда 18 пушекъ, 17 бочекъ мѣдныхъ денегъ на 1700 рублей и множество хлѣба. Печальная память о Пугачевѣ осталась и въ видѣ многихъ кургановъ, называемыхъ здѣсь «Пугачевскими». Въ нѣкоторыхъ изъ такихъ кургановъ, а также въ Губернскихъ горахъ, до настоящаго времени обрѣтаются клады, состоящие изъ разныхъ вещей и монетъ. Много пушекъ, отличныхъ сподвижниками Пугачева на Уральскихъ заводахъ, находится то здѣсь, то тамъ.

Въ поуральѣ живы еще преданія, свидѣтельствующія о страшномъ мятежѣ, какъ полымемъ пожара охватившемъ все новолжье и приуральскій край.

Естественно, что такое богатое событіями прошлое дѣшного края не могло не влечь Пушкина ознакомиться съ нимъ на мѣстѣ.

По пріѣздѣ Пушкина на Берды, ему особенно по-счастливилось: въ поселкѣ доживали вѣкъ нѣсколько престарѣлыхъ свидѣтелей кровавой эпохи. Вотъ что писалъ Пушкинъ съ дороги своей женѣ: «Въ деревнѣ Бердѣ, гдѣ Пугачевъ простоялъ 6 мѣсяцевъ, имѣлъ я ипе bonne fortune — нашелъ 75-лѣтнюю казачку, — которая помнитъ это время, какъ мы съ тобою помнимъ 1830 годъ. Я отъ нея не отставалъ, виновать, и про тебя не подумалъ»....

Тѣмъ пріятнѣе было Пушкину внимать повѣствованію этой старушки, что въ памяти его возставалъ образъ другой старушки, его «дряхлой голубки», няни Ирины Родіоновны, чудными сказками которой онъ такъ, бывало, заслушивался въ своемъ родовомъ селѣ Михайловскомъ.

Природа Бердскихъ окрестностей въ 30-хъ годахъ была живописная: рѣка Сакмара была многоводна и несла свои быстрые волны въ берегахъ, густо покрытыхъ почти дѣвственнымъ лѣсомъ, въ которомъ водились еще разные хищные звѣри. Рѣка подходила къ самому поселку. На противоположной лѣсу сторонѣ открывалась другая картина: поемные луга и долины покрывались высокой и сочной травой, зеленѣли огороды, на которыхъ качались отъ вѣтра и тихо скрипѣли журавли казачьихъ колодцевъ.

Сидя на крылечкѣ казачьей избы, Пушкинъ собиралъ вокругъ себя казаковъ и казачекъ, слушалъ ихъ пѣсни, смотрѣлъ хоробы.

Чудная панорама природы, лихія казачьи пѣсни, относительная свобода, все это вызывало въ Пушкинѣ задорную веселость—онъ говорилъ экспромты, сыпалъ остроты....

Но вотъ предстали предъ будущимъ творцомъ «Капитанской дочки» престарѣлые казаки и казачки.

Неохотно они сначала приступали къ своимъ воспоминаніямъ.... Приходилось Пушкину вступать и въ такой разговоръ:

— А, ну ка, дѣдушка, расскажи намъ, сдѣлай одолженіе, про Пугача!

— Для кого пугачъ, ваша милость, а для меня—царь-батюшка, Петръ Ѳеодорычъ!

Нѣкоторые казаки, въ особенности уральцы, и до сихъ поръ неохотно дѣлятся воспоминаніями прошлаго: они простодушно и наивно вѣрятъ еще, что наглый самозванецъ былъ дѣйствительно русскій царь, имя котораго онъ такъ дерзко присвоилъ.

Но обаятельность поэта, ласковое обращеніе и щедрость подкупали даже и стариковъ, — они все смѣлѣе и смѣлѣе вели свои рассказы и возстановляли въ памяти эпизодъ за эпизодомъ мрачнаго прошлаго.

— «И разнесся въ слободѣ нашей слухъ, что изволилъ прибыть царь батюшка Петра Ѳеодорычъ—дребезжащимъ отъ волненія голосомъ и шамкая вели свою рѣчь старички, — прискакали кульеры, пособрали народъ: такъ, молъ, и такъ — приготовьтесь встрѣчать законнаго царя своего, потому какъ онъ жалуетъ всѣхъ васъ крестомъ и бородой, землями и угодыями разными.... Скоро и другой слухъ прошелъ, что несмѣтная рать движется, крѣпость за крѣпостью беретъ, комендантовъ тамошнихъ вѣшаетъ, казну грабитъ, непокорныхъ наказуетъ.... Долго-ль, коротко-ль, услышали

мы топотъ конскій, загремѣли пушки; прискакали гонцы, — все башкиры больше, да «севрюжники».

«Покоритесь»! И покорились: народъ разодѣлся, какъ на свѣтлый праздникъ, высыпалъ на улицу; дѣвки да бабы въ два ряда, какъ солдаты стоятъ... Попъ съ крестомъ выѣзъ на паперть, атаманъ казацкій «хлѣбъ-соль» приуготовилъ.... Не заставлялъ ждать себя и невѣдомый гость: тьма тьмущая войска остановилась на Сакмарской дорогѣ, лагерь разбили.... пѣсня пошла, да шумъ — благополучное вступленіе, значить, справляли... Прибыли скоро и къ намъ: на церкви звонъ колокольный раздался, попъ съ крестомъ встрѣлъ самого, но тотъ въ храмъ не вошелъ, потому какъ изъ киржаковъ происхождение имѣлъ и осѣнялся большимъ крестомъ. Манифесту тогда прочитали, народъ на колѣни упалъ и билъ земные поклоны. Самъ-отъ принялъ «хлѣбъ-соль», обѣщаніе давалъ на вольности разныя, нашу слободу матушкой Москвой величалъ, ряды дѣвокъ обошелъ, борки, ленты да манисты жаловалъ, иныхъ что пригляднѣй, ласкать всячески изволилъ и деньгами дарилъ. А колокола все гудятъ, да гудятъ.... въ храмъ Божіемъ служба идетъ, государя Петра Ѳедорыча съ государыней Катериной Лексѣвной поминаютъ.... честь честью! Опосля пригнали еще двухъ поповъ, тѣ тоже службу каждый день справляли — обѣдню да вечерню.

Недолго Пугачъ, али царь батюшка, какъ его тогда величали, оставался у васъ, выкатилъ онъ для народа бочку съ виномъ, своего енарала приставилъ да ораву приспѣшниковъ, а самъ въ лагерь отбылъ чинить судъ да расправу, да на городъ приступой идти собираясь... Ни выѣзду, ни выходу — по дорогамъ да по оврагамъ заѣли люди военные... пальба да разбой... сколько дѣвокъ башкирьё поганое у насъ перепортили, да добра разнаго растащили... Слобода была сущій вертень.

Изъ крѣпости оренбургской тогда распоряженіе вышло слободу казацкую, что форштадтомъ теперь прозывается, сжечь. И сожгли, акромѣ церкви Божьей да избы одной... Вороги окаинные ворвались и въ форштадтъ, церковь святую осквернили, въ иконы стрѣляли и изъ пушекъ съ колокольни въ городъ налили; съ крѣпости тоже тогда не плошали—ядрами да картечами злодѣя пугали... Въ городъ голодъ начался, болѣзни, но не сдался онъ богопротивному человѣку и вѣренъ царицѣ-матушкѣ и присягѣ остался... Объ осени ватага вся буйная съизнова припожаловала къ намъ въ слободу, для ложнаго царя избу золотую *) привезли, тронъ смастерили, и возсѣлъ на него чинить судъ да расправу бѣглою казакъ донской, царемъ прозываясь, въ красную одежду разрядившись и голубой лентой перевязь сдѣлавши.... По бокамъ у него возсѣдали два казака, одинъ съ булавою, другой съ серебрянымъ топоромъ. Бѣто подходилъ, кланялся въ землю и, крестясь, цѣловалъ руку Емелькѣ»....

Вотъ приблизительно какіе рассказы пришлось выслушать Пушкину съ сопровождавшими его лицами. Кромѣ того, какъ видно изъ воспоминаній спутниковъ Пушкина — Даля и Кайданова, ему были рассказаны очевидцами нѣкоторые курьезные эпизоды изъ пребыванія на Бердахъ неграмотнаго, но болѣзненно честолюбиваго раскольника самозванца. Такъ, напримѣръ, войдя однажды въ бердскую церковь въ зимнемъ пальскомъ кунтушѣ и въ киргизской шапкѣ, Пугачевъ, не снимая шапки, прошелъ въ алтарь и, сядя на церковный престолъ, воскликнулъ: «Ахъ, давно я не сидѣлъ на прародительскомъ престолѣ!» Это сообщеніе

*) Известно, что Пугачевъ возилъ съ собой складную латунную палатку, которую народъ принималъ за золотую

ызвало смѣхъ окружающихъ, и Пушкинъ, полунегодуя, полуудивляясь, сказалъ: «Ахъ свинья, свинья — смѣшалъ два разнородныхъ понятія!» И тутъ же со словъ рассказчика записалъ какъ этотъ рассказъ, такъ и примѣты самозванца: лѣтъ 40 отъ роду, роста среднего, смугль и худощавъ, волосы темнорусые, борода черная, клиномъ, верхній зубъ вышибленъ, на лѣвомъ вискѣ бѣлое пятно, на обѣихъ сторонахъ груди черныя пятна отъ болѣзни, именуемой въ народѣ «черной немочью». Глаза у Пугачева острые, пронизательные, взоръ страховитый — характерныя черты, за которыя народъ и прозвалъ Пугачева «Пугачемъ». Въ другихъ мѣстахъ показанныя очевидцами примѣты Пугачева оказались тождественными съ записанными и въ такомъ видѣ появились въ трудахъ Пушкина.

Вотъ еще одинъ эпизодъ. Пугачевъ былъ женатъ, жена его съ дѣтьми содержалась въ тюрьмѣ въ г. Казани. Пугачевъ же, бывши въ Яицкомъ городкѣ, вторично женился на дѣвкѣ Устинѣ Кузнецовой, которую и привезъ съ собой въ слободу. Попу было приказано поминать на эктеніяхъ послѣ Государя Петра Ѳеодоровича, государыню Устинью, но попъ воспротивился говоря, что на это онъ не имѣетъ синодскаго указа и продолжалъ поминать Государыню Екатерину Алексѣевну.

Эпизоды, только что рассказанные и записанные Давыдовымъ, однако не попали почему-то въ труды Пушкина, но появлялись впоследствии въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ.

За пѣсни молодые казаки и за рассказы — старики старухи были награждаемы Пушкинымъ по «царски»: каждую пѣсню или отдѣльный эпизодъ онъ платилъ червонецъ, иныхъ угощалъ виномъ, садя съ собою за столъ.

Это обстоятельство, по отъѣздѣ Пушкина изъ Бердскаго поселка, вызвало въ обывателяхъ его глубокое сомнѣніе въ личности страннаго гостя и они, собравши сходъ, смастерили такое донесеніе на имя начальника края Перовскаго:

«... былъ у насъ неизвѣстнаго званія чело­вѣкъ со товарищи, средняго роста, лицомъ смугль, волосомъ черенъ и курчавъ, на пальцахъ замѣсто ногтей ногти, *подбивалъ подъ пугачевщину и дарилъ золотомъ...*

Во дворѣ В. А. Перовскаго (тогда еще не графъ) отъѣзжающему поэту данъ былъ прощальный обѣдъ, на который былъ приглашенъ цвѣтъ оренбургскаго общества. Гвоздемъ застольной бесѣды были, разумѣется, труды Пушкина, эпизоды изъ пугачевской эпопеи и пожеланія видѣть скорѣе въ печати исторію замѣчательнаго въ своемъ родѣ самозванца. Тутъ-то и показала Перовскій Пушкину забавное донесеніе о немъ бердскихъ мудрецовъ, вызвавшее неудержимый смѣхъ присутствовавшихъ и взрывы остротъ. Выходило, что историкъ Пугачева, на взглядъ народа, былъ ни кто иной, какъ другой Пугачевъ,

Спустя почти мѣсяцъ послѣ отъѣзда Пушкина изъ Оренбурга оренбургскій военный губернаторъ В. А. Перовскій получилъ секретное письмо отъ нижегородскаго военнаго губернатора Бутурлина, которое заслуживаетъ вниманія, какъ характеризующее скорость доставленія по назначенію «секретныхъ» и «срочныхъ» бумагъ въ 30 годахъ и положеніе, въ какомъ находился тогда нашъ пѣвецъ «сладкихъ звуковъ и молитвъ» — Пушкинъ*).

*) «Дѣло объ учрежденіи тайнаго полицейскаго надзора за прибывшимъ временно въ Оренбургъ поэтомъ (sic) тит. совѣтн. Пушкинъ» — дѣло канцел. бывш. Оренб. генералъ-губернатора, находящееся въ распоряж. Оренб. Уч. Арх. Ком. (№ 78—38 г.).

Вотъ это письмо:

«Санктпетербургскій оберъ-полиціймейстеръ отъ 20 минувшаго сентября за № 264, увѣдомилъ меня, что по *Высочайше* утвержденному положенію Государственнаго Совѣта, объявленному предѣмѣстнику его предписаніемъ г. с.-петербургскаго военнаго губернатора, отъ 19 августа 1828 г. № 211, былъ учрежденъ въ столицѣ секретный полицейскій надзоръ за образомъ жизни и поведеніемъ *извѣстнаго поэта, титулярнаго совѣтника Пушкина*, который 14 сентября выбылъ въ имѣніе его, состоящее въ Нижегородской губерніи».

«Извѣстясь, что онъ, Пушкинъ, намѣренъ былъ отправиться изъ здѣшней въ Казанскую и Оренбургскую губерніи, долгомъ считаю о вышензложенномъ извѣстить ваше превосходительство, покорнѣйше прося, въ случаѣ прибытія его въ Оренбургскую губернію, учинить надлежащее распоряженіе о учрежденіи за нимъ, во время пребыванія его въ оной, секретнаго полицейскаго надзора за образомъ жизни и поведеніемъ его».

Письмо это въ Оренбургъ прибыло только 23 октября, и въ тотъ же день В. А. Перовскій положилъ на немъ такую резолюцію: «Отвѣчать, что сіе отношеніе получено чрезъ мѣсяць по отбытіи г. Пушкина отсюда «(sic!), а потому хотя во время кратковременнаго его въ Оренбургъ пребыванія и не было за нимъ полицейскаго надзора, но какъ онъ останавливался въ моемъ домѣ, то я тѣмъ лучше могу удостовѣрить, что поѣздка его въ Оренбургскій край не имѣла другого предмета, кромѣ нужныхъ ему историческихъ изысканій».

Такъ и написано было Булурлину на другой же день, 24 октября. Оказывается, что Пушкину недоброжелатели его не давали покоя и въ то время, когда онъ состоялъ исторіографомъ россійскимъ и пользовался

милостями у самого Императора Николая Павловича, Августѣйшаго цензора своихъ сочиненій. Въ то время, когда было получено приведенное выше письмо, Пушкинъ былъ уже на Волгѣ; изъ Оренбурга онъ, напутствуемый пожеланіями любезнаго и просвѣщеннаго хозяина, выѣхалъ 20 сентября на Уральскъ осматривать становища Пугачева.

О пребываніи Пушкина въ Оренбургъ и въ казачьихъ станицахъ помнятъ еще нѣкоторые изъ нашихъ старожиловъ, какъ напр. генералъ маіоръ И. В. Черновъ, сообщившій, что Пушкинъ, будучи въ Оренбургѣ, посѣтилъ уѣздное и другія училища; старушка казачка, Блинова, переселившаяся недавно изъ Бердскаго поселка на постоянное житѣ въ Оренбургскую станицу (Форштадтъ) и многіе другіе, но объ этомъ распространяться не стану, такъ какъ подробныя свѣдѣнія объ этомъ появятся въ «Пушкинскомъ сборникѣ», который имѣетъ въ скоромъ времени издать Оренбургская ученая архивная коммиссія.

Окончу свой скромный трудъ пожеланіемъ, чтобы какъ Пушкинъ увѣковѣчилъ въ своихъ твореніяхъ нашъ бердскій поселокъ, такъ и этотъ послѣдній увѣковѣчилъ бы память поэта устройствомъ школы или читальни его имени. Въ поселкѣ, отстоящемъ теперь всего въ 3—4 верстахъ отъ города, не имѣется для обывателей ни библіотеки, ни читальни и въ наступившіе *Пушкинскіе дни*, всего благовремениѣе, положить основаніе, просвѣтительному учрежденію имени величайшаго русскаго поэта.

Н. Ивановъ.

Нѣсколько указаній о пребываніи А. С. Пушкина на Бердахъ.

86-лѣтняя казачка, Акулина Тимофеевна Блинова, урожденная Мордвинцева, живущая въ Оренбургѣ, рассказала намъ о пребываніи поэта въ Бердахъ ниже слѣдующее.

«Въ какомъ году пріѣзжалъ Пушкинъ, я не помню, знаю только, что день выдался теплый и ясный. Двое какихъ-то господъ, одѣтыхъ въ штатское платье шли по улицѣ: одинъ высокій, другой пониже — курчавый, а у дома, что наискось дома моего отца Мордвинцева, сидѣла наша Бердская казачка Бунтова, имени и отчества не упомяну. Я была тутъ же около старушки Бунтовой, которой было лѣтъ за шестьдесятъ и которая оставалась на дому нянчить дѣтей. Штатскіе подошли къ старушкѣ и, вѣроятно, увидавъ, что она очень древняя, одинъ изъ нихъ — курчавый спросилъ Бунтову, не знаетъ ли она что-либо про Пугачева? Старушка отвѣтила, что она все знаетъ про Пугачева и даже пѣсню, что про него сложена. Господа попросили ее спѣть. Бунтова спѣла имъ одну пѣсню.

— Правда, правда, бабушка, «говорять ей господа, а сами между себя смѣются и говорятъ: «а ну ка еще спой»! Бунтова еще спѣла имъ двѣ пѣсни. Какія слова этихъ пѣсенъ, я не упомяну, но говорилось про Пугачева, какъ онъ воевалъ, какъ вѣшалъ».

Разсказчица вспомнила, какъ будто въ нихъ есть слова: — «Не умѣла ты, ворона, ясна сокола поймать».

«Все время я смотрѣла на курчаваго господина; у него лицо бѣлое, а губы большія, толстыя; да ужъ очень меня занялъ ноготь на пальцѣ — длинный, предлинный, у насъ такихъ не носятъ.

Господа попросили показать домъ, гдѣ жилъ Пугачевъ. Бунтова повела ихъ показывать. Домъ этотъ стоялъ на большой улицѣ, на углу, на красной сторонѣ. Теперь это мѣсто казака Михаила Дмитриева Козлова. Онъ былъ на шесть оконъ. Со двора открывается чудесный видъ на Сакмару, озеро и лѣсъ. Сакмара походила совсѣмъ близко ко дворамъ.

Курчавый господинъ похвалилъ мѣсто, говорить — «прекрасное»!

За пѣсни господа дали Бунтовой сколько то денегъ.

Когда я показалъ рассказчицѣ поясной портретъ Пушкина, она оживилась и сказала: «Онъ самый! только вотъ рукъ не видать, а ужъ очень меня заинтересовали ногти на его рукѣ».

Были ли еще у Бунтовой эти господа, Акулина Тимофеевна не упомянуть, но видѣла, какъ они пошли потомъ отъ Бунтовой внизъ по улицѣ къ Сакмарѣ, а Бунтова возвратилась домой.

Больше рассказчица ничего не упомянуть.

С. Н. Севастьяновъ.

Изъ газеты „Свѣтъ“ № 144 — 1899 г.

Въ одномъ изъ писемъ къ женѣ Пушкинъ писалъ:

«Въ деревнѣ Бердѣ, гдѣ Пугачевъ простоялъ шесть мѣсяцевъ, имѣлъ я une bonne fortune — нашелъ 75-лѣтнюю казачку, которая помнить это время, какъ мы съ тобой помнимъ 1830 годъ. Я отъ нея не отставалъ; виновать и про тебя не подумалъ». Это была дѣйствительно замѣчательная женщина, и не одинъ Пушкинъ обращалъ на нее вниманіе. Вотъ что писала о ней одна молодая москвичка, проживавшая въ Оренбургѣ.

въ 1833 году и видѣвшая знакомую Пушкину казачку два мѣсяца спустя послѣ того, какъ посѣтилъ ее поэтъ.

«Мы вчера ѣздили въ Берды къ старушкѣ, которая рассказывала Пушкину о Пугачевѣ. Мы посѣтили ее съ тою же цѣлью. Взяли съ собою бумаги и карандашъ, что бы записывать, если она будетъ намъ, какъ и Пушкину, пѣть пѣсни. Вошедши въ избу, мы увидѣли ее сидящею на печи, окруженною молоденькими дѣвочками и маленькими дѣтьми. Я сначала не думала, чтобъ это была она; старуха свѣжая, здоровая, даже не беззубая, а говорить, что при Пугачевѣ была лѣтъ двадцати. П. И. сказалъ ей, что мы къ ней пріѣхали такъ какъ слышали, что она помнитъ Пугачева. «Да, батюшка!»—отвѣчала она, проворно слѣзая съ печи и низко кланяясь,—«нечего грѣха таить, моя вина». «Какая же это вина старушка, что ты знала Пугачева»? «Знала, батюшка, знала; какъ теперь на него гляжу: мужикъ былъ плотный, здоровенный, плечистый борода русая, окладистая, ростомъ, не больно высокъ и не малъ, немного пониже вашего благородія. Какъ же! Хорошо знала его и присягала ему вмѣстѣ съ другими. Бывало, онъ сидитъ, на колѣни положить платокъ, на платокъ руку; по сторонамъ сидятъ его егералы: одинъ держитъ серебряный топоръ, того и гляди, что срубить, другой—серебряный мечъ; супротивъ виселица, а около мы на колѣняхъ присягаемъ; присягнемъ, да поочередно, перекрестившись, руку у него поцѣлуемъ, а межъ тѣмъ на виселицу то безпрестанно вздергиваютъ. Видишь все это, скрѣпя сердце. Ужъ никого намъ такъ жалко не было, какъ коменданта: предобрый былъ баринъ; всѣ мы его любили, словно отца родного. Какъ его повѣсили, такъ мы и залились слезами всѣ до единого,—куда и страхъ дѣвался! Жена его также была барыня добрая, прекрасная; ее да ея брата, барина

молодого, Пугачевъ, взявъ къ себѣ, съ мѣсяцъ держалъ ихъ у себя, а тамъ и велѣлъ разстрѣлять изъ двѣнадцати ружей, да чтобъ больше ихъ напугать, велѣлъ прежде выстрѣлить мимо, а въ другой разъ застрѣлить ужъ до смерти. Батюшка мой также былъ въ службѣ у Пугачева, а которымъ онъ приказалъ разстрѣливать-то, у моего отца были подъ начальствомъ, — такъ ужъ онъ ихъ упросилъ застрѣлить несчастныхъ сразу. На другой день батюшка пошелъ на это мѣсто, чтобы поплакать надъ ними и похоронить какъ-нибудь. — что же бы думали? Когда ихъ разстрѣливали, то разставили такъ далеко другъ отъ дружки, а тутъ батюшка нашелъ ихъ обнявшись. Видно, ихъ не до смерти убили, — такъ они сползлись, обнялись да такъ и померли».

«Много еще она рассказывала, какъ ихъ, молодыхъ дѣвушекъ, когда нагрянула шайка Пугачева, попрятали въ сусѣки, просомъ засыпали. . Все это происходило въ крѣпости Озерной, гдѣ жила тогда рассказчица наша. Эта крѣпость нѣсколько времени была резиденціей Пугачева; онъ жилъ тамъ въ мирное время; отъѣзжалъ только иногда въ Уральскъ къ своей «барынь», какъ говорила старуха. Потомъ сказывала намъ сочиненныя въ то время пѣсни, и мы записали ихъ. Нѣчавши говорить намъ эти пѣсни, она вдругъ сказала со слезами на глазахъ: «Я говорю, а сердце-то у меня не на мѣстѣ. Кто знаетъ, зачѣмъ вы спрашиваете меня объ Пугачѣ? Она медни тоже прѣзжали господа, и одинъ все меня заставлялъ рассказывать; а другія бабы пришли да и говорятъ: «Смотри, старуха, не наболтай на свою голову, вѣдь это антихристъ». Мы старались ее разуверить: «Да и я думаю такъ: вѣдь я говорю правду, не выдумываю, — такъ, кажись, что тутъ забѣда? Онъ же — дай Богъ ему здоровья! — наградила

молодого, Пугачевъ, взявъ къ себѣ, съ мѣсяцъ держалъ ихъ у себя, а тамъ и велѣлъ разстрѣлять изъ двѣнадцати ружей, да чтобъ больше ихъ напугать, велѣлъ прежде выстрѣлить мимо, а въ другой разъ застрѣлить ужъ до смерти. Батюшка мой также былъ въ службѣ у Пугачева, а которымъ онъ приказалъ разстрѣливать-то, у моего отца были подъ начальствомъ, — такъ ужъ онъ ихъ упросилъ застрѣлить несчастныхъ сразу. На другой день батюшка пошелъ на это мѣсто, чтобы поплакать надъ ними и похоронить какъ-нибудь. — что же бы думали? Когда ихъ разстрѣливали, то разставили такъ далеко другъ отъ дружки, а тутъ батюшка нашелъ ихъ обнявшись. Видно, ихъ не до смерти убили, — такъ они сползлись, обнялись да такъ и померли».

«Много еще она рассказывала, какъ ихъ, молодыхъ дѣвушекъ, когда нагрянула шайка Пугачева, попрятали въ сусѣки, просомъ засыпали. . Все это происходило въ крѣпости Озерной, гдѣ жила тогда рассказчица наша. Эта крѣпость нѣсколько времени была резиденціей Пугачева; онъ жилъ тамъ въ мирное время; отъѣзжалъ только иногда въ Уральскъ къ своей «барынь», какъ говорила старуха. Потомъ сказывала намъ сочиненныя въ то время пѣсни, и мы записали ихъ. Нѣчавши говорить намъ эти пѣсни, она вдругъ сказала со слезами на глазахъ: «Я говорю, а сердце-то у меня не на мѣстѣ. Кто знаетъ, зачѣмъ вы спрашиваете меня объ Пугачѣ? Она медни тоже прѣзжали господа, и одинъ все меня заставлялъ рассказывать; а другія бабы пришли да и говорятъ: «Смотри, старуха, не наболтай на свою голову, вѣдь это антихристъ». Мы старались ее разуверить: «Да и я думаю такъ: вѣдь я говорю правду, не выдумываю, — такъ, кажись, что тутъ забѣда? Онъ же — дай Богъ ему здоровья! — наградила

меня за рассказы. Да тутъ же съ нимъ былъ и пріятель нашъ, полковникъ Артиуковъ; ужъ онъ бы не захотѣлъ ввести насъ въ бѣду. А бабы то какъ было меня напугали! Много ихъ набѣжало, когда тотъ баринъ меня распрашивалъ, и пѣсни я ему пѣла про Пугача. Показалъ онъ мнѣ потреть: красавица такая написана «Вотъ», говоритъ, — «она станетъ твои пѣсни пѣть». Только онъ со двора, бабы всѣ такъ на меня и накинулись. Кто говоритъ, что его подослали, что меня въ тюрьму засадятъ за мою болтовню; кто говоритъ: «Антихристъ! Видѣла когти то у него какія. Да и въ писаніи сказано, что антихристъ будетъ любить старухъ, заставлятъ ихъ пѣсни пѣть и деньгами станитъ дарить». Слегла я со страху, велѣла телѣгу заложить, везти меня въ Оренбургъ къ начальству. Такъ и говорю: «Смилуйтесь, защитите, коли я чего наплела на свою голову; захворала я съ думы». Тѣ смѣются, «Не бойся», говорятъ: — «это ему самъ государь позволилъ объ Пугачѣ вездѣ распрашивать». Ну, ужъ я и успокоилась, никого не стала слушать.

